

УДК 81-112.4

Дорохова Н.И.

Астраханский государственный технический университет

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СОЦИАЛИЗАЦИИ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЭТНОСА
(V-XI ВВ.) В ЛОКАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ ХАБИТАТА**

N. Dorokhova

Astrakhan State Technical University

**LINGUA-PRAGMATIC PARAMETERS AND LINGUA-SEMIOTIC
FEATURES OF SOCIALIZING WITHIN THE ANGLO-SAXON
ETHNOS (V-XI CS.) LOCAL HABITAT BORDERS**

Аннотация. Статья посвящена диахронно-лингвосемиотическому изучению вербальных знаков-прагматонимов, рефлектирующих локальный модус социализации англосаксонского этноса V–XI вв. Изучается семантика номинаций жилища как локального пространства социального взаимодействия, ситуаций институционального общения и рекреационного общения. Рассмотрены также гендерные знаки, регулирующие номинативные процессы в сфере социального взаимодействия англосаксов. Изучены знаки-глуттонимы, представленные номинациями социализации во время приёма пищи внутри разных типов жилища англосаксов.

Ключевые слова: лингвосемиотика, знак, номинация, прагматоним, модус социального взаимодействия, социализация.

Abstract. The article dwells upon the diachronic lingua-semiotic research of verbal signs denoted as “pragmatonyms” that reflect local socializing mode of Anglo-Saxon ethnos in V–XI cc. The author investigates the nominations’ semantics of a dwelling place as a local space of social interaction as well as communicative situations of institutional and recreational interaction. The article explores gender signs that regulate nominative processes in the Anglo-Saxon sphere of interaction. The author attempts to explain gluttonyms as socialization signs of food and eating within different types of anglo-saxon dwelling.

Key words: lingua-semiotic, sign, nomination, pragmatonym, socializing mode, socialization.

Репрезентативный исторический, археологический, культурологический и языковой материал, накопленный исследователями цивилизации англосаксов, свидетельствует о том, что в быту англосаксов социальные отношения, семейные взаимодействия, непосредственная коммуникация, ритуалы и рекреация / досуг / времяпрепровождение (номинация *pastime*) имели место в строгих рамках сословного статуса и иерархического устройства этноса. Концепт «*mode / style of living*» – образ жизни – дифференцированно семиотизировался (вербализовывался) в зависимости от того, в каком сословии и месте проживания происходили процессы социализации этноса. Повседневность (проживание) диктовала свои правила и законы, детерминированные социальным статусом членов англосаксонского этноса.

Существовало несколько семиотических пространств, в которых происходила социализация.

Во-первых, это было локальное пространство социального взаимодействия – жилище; модус взаимодействия варьировался в зависимости от типа жилья и статуса его резидентов

(королевская резиденция; поместье богатого члена элиты; монастырь или церковный приход; дом городского жителя – зажиточного или стесненного в средствах; дом сельского жителя или хижина сельского бедняка).

Во-вторых, это было расширенное пространство социального взаимодействия – общественные места, где имелась возможность вести беседу (служба в церкви, сакрально-значимые события, свадьба или похороны, совершение покупок на рынке, в лавках купцов, размен денег у менял, совершение заказов в мастерских ремесленников, по ходу зрелища – например, королевского турнира, во время представления заезжих фигляров или публичной казни и т. п.).

В-третьих, это институциональное общение с учителем, с врачом, с предсказателем будущего, с проповедником, с судьёй, с представителями власти.

В-четвёртых, имело место рекреационное общение (пиры, праздники, домашние развлечения, спортивные игры и так называемые *rural exercises*, в которых люди участвовали, являлись их зрителями и обсуждали их результаты).

Далее рассмотрим подробнее лингвопрагматические параметры и лингвосомиотические характеристики первого из этих четырёх модусов проживания англосаксов в зависимости от их социального статуса, а также опишем номинации-прагматонимы, вербализующие представляемый модус, т. е. опишем лингвосомиотику и лингвопрагматику образа жизни в англосаксонском жилище, в границах локального взаимодействия. Под *прагматонимами* понимаются условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: объекты жилища, предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда и т. п. [1].

Внутри жилища социализация англосаксов происходила либо в рамках удовлетворения потребностей, трудовой деятельности, ритуалов проведения важных событий, либо рекреативного взаимодействия. В любом типе жилища – королевской резиденции, в

поместье богатого эрла, зажиточного горожанина, ремесленника, торговца или сельского жителя – коммуникативное взаимодействие членов семьи осуществлялось в ходе ежедневного приёма пищи, о чём свидетельствует двузначная номинация **mæl**: **1. n** (-es/-) time for meals; **2. f** (-e/-a) talk, conversation [mæðel]. Это было и поглощение пищи (**mése**, **f** (-an/-an) what is placed on a table [L]), и разговоры за столом. В исследуемом лексиконе обнаружены только два вида приёма пищи – утренний (**undernmete**, **m** (-es/-mettas) morning meal, breakfast) и вечерний (**æfenmete**, **m** (-es/-mettas) supper, evening meal); это свидетельствует о том, что в полдень регулярного приёма пищи не было – все были заняты трудовой деятельностью. В королевских резиденциях и поместьях, помимо коммуникации в рамках повседневного приёма пищи, регулярно проходили празднества и пиры разного типа и по разным поводам, о чём свидетельствует наличие трёх синонимов в исследованном лексиконе (**oferæt**, **m** (-es/-as) feasting, excess; feast; **symbelnes**, **f** (-se/-sa) festival, feasting, solemn assembly; **fyllo**, **f** – feast).

После христианизации Британии приёмы пищи становились скудными, часто отменялись пиры (что не касалось сюзерена, его приближённых, влиятельных родственников и знати); не одобрялось многословие за столом во время четырёх постов, когда было принято усердно молиться, разговаривать только с Богом (номинация **Ymbren**, **n** (-nes/-nu) Embren; the name of the four periods of fasting and prayer appointed by the Church to be observed in the four seasons of the year respectively. Each was a period of three days, a Wednesday and the following Friday and Saturday (1st week of March, 2nd week of June, 3rd week of September, and the last week before Christmas in December)).

Вечерний приём пищи также сопровождался молитвой (номинация **æfenlác**, **n** (-es/-) evening sacrifice, evening prayer) и преимущественно представлял собой общение с Богом, проходя в вялой беседе между уставшими членами семьи после трудов праведных.

Обыденные дела, привычные манипуляции, традиционные занятия внутри ремеслен-

ного городского и сельского англосаксонского люда сводились к разделению этих занятий на мужские и женские. Соответственно, лингвосемиотика описываемого периода фиксирует «мужские» и «женские» номинации, означающие объекты, на которых трудятся или которые производят мужчины и женщины. Из нижеследующей таблицы ясно, что перечисленные номинации косвенно репрезентируют ту часть их образа жизни, которая была связана с трудовой деятельностью. В рамках этих занятий социализация могла иметь место в виде диалога мастера и подмастерья, хозяина дома и строителя, хозяйки и служанки-вышивальщицы и т. д. (см. табл. 1).

Обратим внимание на то, что гендерная семантика знаков-прагматонимов не всегда совпадала с грамматическим родом: предметы быта зачастую использовались обоими полами (например, **hēafodbend**, *m* (-es/-as) diadem, crown; head-bond, fetter about the head, **wæd**, *f* (-e/-e) robe, dress, clothing, covering; sail). Гендерная характеристика

прагматической номинации распознаётся исключительно семиотически или в ситуативном контексте: так, **wæd** – это одежда как мужская, так и женская, несмотря на грамматическую принадлежность к женскому роду; коллокация **brýdes ~e** wedding garment – *свадебное платье* – заставляет отнести данную номинацию исключительно к феминной сфере употребления (вербализация пола – номинация **brýd** – *невеста*).

Особую гендерную размытость грамматической принадлежности номинаций-прагматонимов в коммуникативное пространство быта англосаксов привносит средний грамматический род: здесь приходится ориентироваться по семиотической характеристике знаков-прагматонимов. Так, лексема **geweorc** (*n* (-es/-) ‘work, construction’; ‘military work, fortification’) относится к единице среднего рода, однако она явно номинирует мужские занятия, поэтому ее семантика маскулинна.

Гендерные различия форм и видов трудовой деятельности фиксируют древние

Таблица 1

«Мужские» и «женские» номинации ремесленного англосаксонского люда

Мужские номинации	Женские номинации
getéoh , <i>n</i> (getéos/-) matter, material; <i>pl</i> instruments, utensils	fēðercraeft , <i>m</i> (-es/-as) embroidery
getimbre , <i>n</i> (-es/-u) building, structure	scyrte , <i>f</i> (-an/-an) skirt
geweorc , <i>n</i> (-es/-) work, construction; military work, fortification	godwebb , <i>n</i> (-es/-) fine cloth, purple
ísen , <i>n</i> (-es/-) iron; iron instrument, an implement, tool, etc. made of iron	lín , <i>n</i> (-es/-) flax, linen, cloth, napkin, towel
sadol , <i>m</i> (-es/sadelas) saddle	scrúd , <i>n</i> (-es/-) clothing, dress; garment, vestment; [<i>dat</i> scrýd]
scoppa , <i>m</i> (-n/-n) a shop, a booth or shed for trade or work; <i>var of scyppen</i>	scyrte , <i>f</i> (-an/-an) skirt
scynn , <i>n</i> (-es/-) skin, fur [ON]	sole , <i>f</i> (-an/-an) shoe, sandal [L]
hēafodbend , <i>m</i> (-es/-as) diadem, crown; head-bond, fetter about the head	socc , <i>m</i> (-es/-as) sock, light shoe, slipper
þegnunghús , <i>n</i> (-es/-) a house in which an employment is carried on, a workshop	tyslung , <i>f</i> (-e/-a) dressing
weorchús , <i>n</i> (-es/-) workshop	wæd , <i>f</i> (-e/-e) robe, dress, clothing, covering; sail; brýdes ~e wedding garment
weorccraeft , <i>m</i> (-es/-as) mechanics	wáfels , <i>m</i> (-es/-as) covering, mantle, cloak, dress, clothing, garment
wín , <i>n</i> (-es/-) wine [L]	hēafodcláð , <i>n</i> (-es/-) head-cloth

словообразовательные элементы: так, англосаксонская номинация **wif** – ‘woman’ – напрямую этимологически ассоциирована с прядением и изготовлением ткани (weaving); в завещаниях англосаксонского периода наследник по мужской линии номинировался как **wæpnedhealf** – ‘weapon half’ (воинственная половина) – или **sperhealf** – ‘spear half’ (половина с копьём), в то время как наследницы получали юридическое наименование **spinlehalf** – ‘spindle half’ (половина с веретеном). Функцию указания на феминную гендерную принадлежность выполнял суффикс **-stere**, индицирующий работу с тканью как род занятий, – отсюда в языке того периода образовались наименования мастериц, такие как **seamestere** (швея), **spinestere** (пряжа) и **webestere** (кружевница).

Если говорить о домашнем хозяйстве в жилище англосаксонского вельможи, то стоит упомянуть, что на его кухне орудовали, как правило, повара-мужчины; однако, приготовление и раздача напитков являлись исключительной прерогативой женщин, что и зафиксировано в лексиконе как номинация **birele** (*female cup-bearer, женщина-виночерпий*) [4].

Англосаксы-простолюдины были не менее гостеприимны, чем знать: социализация выражалась в принятии гостей – знакомых, друзей, родственников и соседей. На этот факт указывает наличие в лексиконе многозначного существительного **cýððu**, *f* (-e/-a) kinship, relationship; kinsfolk, neighbors; acquaintance, friendship; native land, home; knowledge, familiarity. Его полисемия, как видим, обусловлена присутствием в семантической структуре номинации указания на всех вышеперечисленных субъектов (acquaintance, friendship, kinsfolk, neighbors), а также маркированием благожелательной и непринуждённой коммуникации (friendship, knowledge, familiarity). На гостеприимство как неотъемлемый компонент социализации этноса указывает также присутствие в лексиконе номинации **wilcuma**, *m* (-n/-n) welcome, guest (гость).

Внутри жилища социализация англосаксов происходила также в рамках ритуалов

проведения важных событий, таких, как свадьба (номинации **gaderscipe**, *m* (-es/-as) wedlock, marriage, matrimony; **gémung**, *f* (-e/-a) marriage) или – в дохристианский и раннехристианский периоды англосаксонской истории – обряд подготовки умершего в его доме к ритуальному захоронению через кремление на погребальном костре (номинации **bæl**, *n* (-es/-) fire, flame; funeral pyre, **bálfýr**, *n* (-es/-) bale-fire, funeral or sacrificial fire).

В христианский период по обрядам церкви стали хоронить в землю, что маркировано номинацией **lícburg**, *f* (-byrg/-byrg) cemetery (кладбище, букв. город мёртвых). Обряд сопровождался церковной службой (номинация **þegnung**, *f* (-e/-a) service, ministrantion), с исполнением песнопений (номинация **ymen**, *m* (-es/-as) hymn, sacred song [L: hymnus]); он начинался сначала в доме умершего, а затем переносился в здание церкви.

В пространстве англосаксонского хабита социальное взаимодействие носило также институциональный характер: обитатели англосаксонского дома вынуждены были общаться с мытарями сюзерена – сборщиками налогов (номинация **tolnere**, *m* (-es/-as) taxgatherer), представителями власти, которые являлись в жилище и отнимали львиную долю заработанного тяжёлым трудом.

Институциональность социального бытового взаимодействия проявлялась также в моменты, когда заболел член семьи. В этом случае в дохристианской и раннехристианской Англии приглашали волшебника-травника (номинация **drý**, *m* (-es/-as) magician [Kelt drúil]), который по языческой традиции кельтов и друидов лечил заболевание (номинации **coðu**, *f* (-e/-a) disease, sickness; **wansceafta**, *m* (-n/-n) a disease) заговорами и заклинаниями (номинации **spell** – a word or formula believed to have magic power; **charm** – incantation), приготавливал отвары из целебных трав (номинация **wyrt**, *f* – a healing herb, medication), расколдовывал или производил манипуляции по изгнанию злых сил (номинация **to repel** – to turn away from evil powers that send mental or other decease).

Начиная с периода раннего средневековья институциональное социальное взаимодействие внутри жилища англосаксов по поводу болезней осуществлялось между обитателем жилища и учёным-врачом (**hældor**, *f* – healer, doctor, surgeon – *лекарь*). Лучшие врачи, разумеется, для лечения (номинация **hældu**, *f* (-e/-a) healing) приглашались в дом к знати или даже входили в свиту сюзерена. В богатом доме для лечения именитого англосакса также применялись лекарственные средства, обычно составлявшиеся из экзотических растений и мифологизированных компонентов, таких как несуществующий рог Единорога, растёртый в порошок, жемчуг, растворённый в уксусе и т.п. Повсеместно в качестве кардинального способа остановить болезнь стали «отворять» кровь (номинация **blód**, *n* (-es/-) blood; vein) при помощи хирургических инструментов. Простолюдины в таком случае довольствовались услугами коновала. Для благополучного разрешения от бремени приглашались повитухи (номинация **midwith / midwið**, *f* – a nurse, a woman who helps in childbirth) в дома разного достатка. Самым бедным роженицам чаще всего помогали члены семьи.

Таким образом, можно констатировать, что институциональность проявлялась не как интеракция с представителями власти, а как взаимодействие с «первопроходцами» института здравоохранения, зарождавшегося на Британских островах.

Страх перед смертью заставлял богатых англосаксов держать в своём штате или приглашать астрологов для предсказания судьбы; во времена, когда в Англии были ещё сильны языческие обычаи, для гаданий приглашали потомка друидов (номинация **wicca**, *m* (-n/-n) wizard, magician, soothsayer, astrologer). В христианский период, несмотря на то, что церковь не одобряла подобные действия, почётными гостями королей были предсказатели, использовавшие знания астрономии и астрологии и пользовавшиеся авторитетом «ученых мужей» (**tungolwitega**, *m* (-n/-n) star prophet, astrologer; **tungolcraeftiga**, *m* (-n/-n) magician, astrologer).

Социальное взаимодействие англосаксов в границах их локального хабитата – в своём поместье или доме, – в центре которых находились семья или клан, происходило не только как рутинное общение, необходимое для обеспечения жизни, т. е. типичная для круга семьи институционализация и связанные с этим отправления ритуалов. В жилище англосаксов социальные интеракции осуществлялись также и в виде рекреативного общения, семиотика которого репрезентирована различными типами домашних развлечений.

Историки – авторы популярного интернет-ресурса www.britainexpress.com, – иронично характеризуя «скудные» домашние развлечения богатых англосаксов, утверждают: «*When they weren't fighting (one wonders when that was) the favourite pastimes of the Dark Ages were dice and board games such as chess. Elaborate riddles were popular, as was horse racing and hunting. At feasts the most common entertainment was the harp, which was also used in church music. In addition to the harp, scenes of juggling balls and knives have been found illustrating books of the period*» [3].

Такое представление о досуге и рекреации англосаксов явно ошибочно; оно опровергается другими – как историческими, так и лингвокультурологическими, – источниками, свидетельствующими о богатом семиозисе англосаксонских развлечений. Так, британский культуролог Г.Р. Ауст [6] констатирует разнообразие детских игр в англосаксонском хабитате – в основном, игр на свежем воздухе – по объективным причинам:

«All cultures, regardless of how arduous the times they live in, have some kind of sport, games, and pastimes to engage in during leisure hours, and children have always played. In Anglo-Saxon times (roughly 450 CE to post 1100 CE) life was largely lived outdoors for most people, for the continuance of life was predicated on agricultural labour. The interiors of most buildings were dark, smoky, and often cramped, and many tasks whether for livelihood or leisure required the clear strong light of daylight» [6, 108].

Говоря о разнообразии детских игрушек,

он также ссылается на отрывок из англосаксонского текста IX столетия:

«Children played with many more natural objects than they do today; a later medieval sermon, which still holds true for the Anglo-Saxon era, mentions children playing “with flowers... with sticks, and with small bits of wood, to build a chamber, buttery, and hall, to make a white horse of a wand, a sailing ship of broken bread, a burly spear from a ragwork stalk, and of a sedge a sword of war, a comely lady from cloth, and be right busy to deck it elegantly with flowers.”» [6, 108].

В пространстве жилища богатого англосакса и царственных особ развлечений было предостаточно – как внутри дома, так и за его пределами в границах поместья. Главными развлечениями были музыка, пение и поэзия: этот досуг обеспечивали певцы, поэты и музыканты, которых либо держали в штате, либо они были заезжими (странствующими). Их называли **glíwere** (от древнеангл. **glíw**, *n* (-es/-u) – glee, pleasure, play, sport; music) – gleemen, менестрели. Джозеф Страт, известнейший британский историк и культуролог начала XX столетия, в своём объёмном труде о досуге англичан отмечает, что обязанности менестрелей были весьма широки и не ограничивались только пением и музицированием:

«THE ANGLO-SAXON GLEEMEN. – Upon the establishment of the Saxons in Britain, these poetical musicians were their chief favourites; the courts of the kings and the residences of the opulent afforded them a constant asylum; their persons were protected, and admission granted to them without the least restraint. In the Anglo-Saxon language they were distinguished by two appellations; the one equivalent to the modern term of gleemen or merry-makers, and the other harpers, derived from the harp, an instrument on which to associate themselves into companies, by which means they were enabled to diversify their performances, and render many of them more surprising through the assistance of their confederates they usually played. The appellation of harper was long retained by the English rhymists. The gleemen added mimicry, and other means of promoting mirth to their profession, as well as dancing and tumbling, with sleights of hand, and

variety of deceptions to amuse the spectators: it was therefore necessary for them <...> These facetious artists were greatly venerated by persons of the highest rank, and their company requested by kings and princes, who richly rewarded them for the exercise of their talents» [7, 149].

Джозеф Страт также добавляет, что уже в X в. список обязанностей менестрелей мог расширяться по желанию их вельможных хозяев:

«OTHER PERFORMANCES BY GLEEMEN. One part of the gleeman's profession, as early as the tenth century, was, teaching animals to dance, to tumble, and to put themselves into variety of attitudes, at the command of their masters» [7, 149].

Любовь именитых англосаксов к музыке, танцу, пению, фокусам, метанию ножей и бросанию шаров, к прослушиванию стихотворений, отгадыванию загадок (см. подробно о лингвосемиотике англосаксонской загадки у И.Ф. Янушкевич [2]), – всему тому, что составляет понятие *indoor amusement* (домашние развлечения), рефлексирована в таких языковых знаках, как **sangcraft**, *m* (-es/-as) art of singing, composing poetry, or playing an instrument; **wóð**, *f* (-e/-a) sound, noise; voice, song, poetry; eloquence; **organestre**, *f* (-an/-an) player on an instrument; **léoð**, *n* (-es/-) song, lay, poem; **léoðcraft**, *m* (-es/-as) poetic art; poem, poetry; **giedd**, *n* (-es/-) song, poem; proverb, riddle; tale, narrative; **gamen**, *n* (-es/-) sport, joy, pastime, game, amusement, pleasure и т. п.

После нашествия норманнов в 1066 г. репертуар коммуникативных шагов в рамках рекреации разрастается: норманны учат англосаксов играть в кости, в шахматы. Дети получают игрушки, профессионально изготовленные мастерами, – как артефакты окружающего мира (игрушечные животные, дома, предметы быта), так и копии человека (куклы). Взрослые развлекаются, участвуя в играх (стрельба из лука, игра с пращей, игра с мячом).

Справедливости ради стоит отметить, что стрельбой из лука, из пращи и игрой в мяч англосаксы любили заниматься ещё до прихода норманнов: так, лексема **earh** – *стрела* – зафиксирована в лексиконе уже в V столе-

тии; лексема *slyngva* заимствована из древне-норвежского, и это могло произойти явно до прихода норманнов. То же касается и мяча: лексема *ball* происходит от древненорвежского *bollr* (круглый объект) [5].

Соответственно, лингвосемиотика реакции англосаксов обогащается новыми знаками, что засвидетельствовано данными этимологии:

– игры в кости (**dice** – early 14 c., des, dys, plural of **dy**, altered 14 c. to dyse, dyce, and 15 c. to dice. “As in pence, the plural s retains its original breath sound, probably because these words were not felt as ordinary plurals, but as collective words” [OED]. Sometimes used as singular 1400-1700. The verb “to cut into cubes” is first recorded late 14c.; meaning “to play at dice” is from early 15 c.) [5];

– игры в шахматы (**chess** – 13 c., from O.Fr. *eschec* “chessmen,” plural of *eschec* “game of chess, chessboard; checkmate,” from the key move of the game) [5];

– обобщенной номинацией игрушки (**toy** – c.1300, “amorous playing, sport,” later “piece of fun or entertainment” (c.1500), “thing of little value, trifle” (1520 s), and “thing for a child to play with” (1580 s). Of uncertain origin, and there may be more than one word here) [5];

– номинацией куклы (**moppet** – c.1600, “endearing term for a baby, a girl, etc.,” from M.E. *moppe* “little child, baby doll” (mid-15c.) + -et, dim. suffix. The M.E. word also meant “simpleton, fool,” and may have been cognate with Low Ger. *mop* “simpleton.” Or, if “baby doll” is the original sense in M.E., perhaps from L. *mappa* “napkin, tablecloth,” hence “rag doll”) [5].

Подведём некоторые итоги.

Как показывает наше исследование моду-

са социального взаимодействия англосаксов в границах своего хабитата (жилище), лингвосемиотика и лингвопрагматика социальной интеракции англосаксонского этноса были весьма разнообразными.

Социальное взаимодействие протекало в рамках семьи и распространялось на соседей и других субъектов ближайшего окружения. Оно имело гендерную и институциональную специфику, особенно относительно трудовой деятельности.

Быт англосаксов в локальном пространстве жилища англосаксов был насыщен знаками повседневности, которые использовались для выживания, коммуникации и рекреации, о чём свидетельствуют данные этимологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 187 с.
2. Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры: Монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. 500 с.
3. Anglo-Saxon Life. [Электронный ресурс]. URL: http://www.britainexpress.com/History/anglo-saxon_life.htm (дата обращения: 07.03.2011).
4. Anglo-Saxon-Women. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hullwebs.co.uk/content/c-anglo-saxon/home-life/anglo-saxon-women.htm> (дата обращения: 07.03.2011).
5. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 07.03.2011).
6. Owst G.R. Literature and Pulpit in Medieval England, Oxford, 1961. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.octavia.net/9thclife/PastimesGames.htm>; (дата обращения: 07.03.2011).
7. Strutt J. The Sports and Pastimes of the People of England. London: Methuen & Co, 1903. 292 p.